

Жорж СИМЕНОН

Жорж СИМЕНОН в 1979 г.
На фотографии дарственная надпись Т. И. Лещенко-Сухомлиной: «Татьяне, у которой все таланты, включая и талант дружбы. Любящий Ж. Сименон. Лозанна».

Много лет назад я перевела на русский язык книгу Жоржа Сименона «Президент». Последовали переводы и других его произведений, и тому же вышла интересная книга о нем самом ленинградской писательницы и переводчицы Э. Шрайбер. С тех пор имя Жоржа Сименона стало широко известно в нашей стране.

В 30-е годы я жила в Париже в мои мужем скульптором Д. Ф. Цаплиным.

Персональная выставка Дмитрия Цаплина в 1930 г. в галерее Слюдена имела в Париже большой резонанс. И вот недавно Жорж Сименон написал мне письмо, которое я привожу здесь как свидетельство того, сколь точно и верно он воспринимает искусство.

«Дорогая Татьяна, Мы с Вами оба одновременно знали золотые часы Монпарнас, когда там собирались художники и скульпторы всех стран мира. В те дни мне довелось побывать на выставке Дмитрия Цаплина, с которым я не имел чести быть лично знакомым, и я был просто потрясен, ибо среди всех скульпторов, которых я знал, он был самым вдохновенным, — он работал в камне и дереве с исключительной силой.

Я знаю, что он — сын простого крестьянина — вернулся в свою дорожную Россию, и я надеюсь, что там, где были его глубокие корни, он получил то признание и успех, которые его произведения имели за рубежом.

Наиболее потрясло меня в нем то, что он посвятил себя всецело Искусству, как некогда иные посвящали себя религии, и это сочетание с его аскетизмом делало из него человека исключительного. Мы снова с волнением поговорили об этом с Вами.

Очень Вас любящий
Жорж СИМЕНОН.
Лозанна, 1982».

Летом минувшего года по приглашению Жоржа Сименона я провела три месяца в Швейцарии.

Он подарил мне свою большую последнюю книгу, озаглавленную «Правдивые воспоминания» или «Правда о самом себе», посвященную памяти его покойной дочери. Свой подарок Жорж Сименон сопроводил такой надписью: «Моему старому другу — всегда молодому —

Татьяне Сухомлиной с самыми сердечными дружескими чувствами.
Жорж СИМЕНОН».

Я перевела несколько страниц из книги Ж. Сименона по своему выбору, считая, что в них он выразил свое жизненное credo.

Татьяна ЛЕЩЕНКО-СУХОМЛИНА

Обо мне так много лгали, что я решил наконец написать о самом себе с полной откровенностью.

У меня четверо детей. Старший сын Марк от первой жены, с которой у меня сохранились самые дружеские отношения, хотя мы развелись очень давно, и двое сыновей и дочь от второй жены, с которой я тоже развелся много лет назад.

Всех четверых детей я растил с одинаковой нежностью, ибо с самого рождения, с первых шагов их, я старался понять каждого из них. И пытался проникнуть в удивительное таинство, которое представляет собой каждая человеческая жизнь.

Я знаю, что кое-кто осуждал меня за мой метод воспитания, «где все позволено», которое я давал каждому из моих детей. С точки зрения критиков, такой метод еще позволителен для мальчиков. Но для девочек!!!

Я ничего не скрывал от тебя, Мари (дочь Сименона. — Т. Л.-С.). Как и твоим братьям, я предоставлял тебе полную свободу — ибо вам, моим детям, предстояло жить в будущем, по будущим законам морали, а законы морали беспрестанно меняются из поколения в поколение...

Всю мою жизнь я испытывал любопытство ко всему на свете, не только к человеку, которого мне довелось наблюдать во всех частях света, и к женщине, погоня за которой причиняла подчас страдание. — до такой степени необходимость слиться с ней бывала мучительной. Любопытство испытывал я к морю и к суше, к самой земле, которую я чуя, как верующий чтит бога, — к самому малому существу, живущему в воздухе или в воде...

У меня были, как и у всех, собаки, и кошки, и лошади — и с одной из них меня связывали настоящие узы дружбы и взаимной привязанности. Это был чистокровный конь арабской породы, белый, горячий, такой же нетерпеливый, как я, и мы до такой степени сдружились, что он не давал на себя садиться никому, кроме меня. Я не натягивал повод, у меня не было ни шпор, ни хлыста, я говорил с ним вполголоса, обнимая его ногами, и он шевелил ушами в ответ. Когда после долгой прогулки по берегу моря и по болотистым равнинам Вандеи, прорезанных каналами, через которые мой конь перескакивал со всего размаха, мы возвращались домой, я, прежде чем взехать во двор, снимал с него седло, и он с наслаждением валялся по траве. Никто ему не мешал, никто его не беспокоил, пока он сам не подходил к кухне и легонько не тыкался мордой в окно, чтобы потребовать у Були (кухарки) свои обычные куски хлеба.

...Деньги не имели для меня никогда никакого значения...

Много лет подряд Тиж (первая жена Сименона. — Т. Л.-С.) и я путешествовали то по северным, то по жарким странам, много раз мы пересекали экватор, плавая по разным океанам, побывали во всех частях света, но моя пишущая машинка всегда сопровождала меня и служила мне верой и правдой, потому что я писал повсюду, в Панаме, как и на Таити, как и в Австралии...

Но писал я не о том, что тогда видел. Персонажи моих романов встречались мне в детстве в Льеже, потом в Париже и во французской провинции, где я порой останавливался то в каком-нибудь замке, то на какой-нибудь ферме.

Я писал постоянно, мне необходимо было писать, как и тогда в Париже, когда я писал из-за куска хлеба короткие заметки или репортажи. Я познакомился и позднее близко подружился с французской писательницей — с великой Колетт.

— Слишком литературно, дружок мой Сим! Проще! Как можно проще!

Так говорила она, чей стиль по своей изысканной простоте напоминал «куски виноградной лозы» (название одной из ее книг).

Я писал роман за романом. Порой в поисках сюжета я бродил по Парижу в районе улицы Муффетар, где в ночлежках беспрятные бродяги еще спали «на веревке». Толстую веревку протягивали над нарами, на нее опирались их головы, но с восходом солнца хозяин ночлежки отвязывал веревку, чтобы разбудить спящих, чьи головы падали вниз и стукались о твердое дерево...

Я знал банкиров, издателей газет и журналов, знаменитых кинорежиссеров, чьи имена и теперь еще звучат, знал и

мошенников высокого полета... Я присутствовал в роскошных игорных домах при карточной игре с крапленными картами, где безукоризненные джентльмены ловко обыгрывали богатых иностранцев или крупных промышленников из провинции.

Я знал премьер-министров и некоторых глав государств.

Я играл в гольф и волейбол, плавал с аквалангом под водой, удил рыбу удочкой и сетью.

Какими только видами спорта я не занимался!

Мне хотелось все увидеть, все испытать.

Были ли у меня периоды снобизма? Старался ли я когда-нибудь пускать пыль в глаза? Желал ли играть роль и вращаться в каком-то избранном кругу? Думаю, что на эти вопросы могу с полной правдивостью ответить: НЕТ.

Меня никогда не заботили расовые предрассудки. Я просто-напросто не знаю их.

Я страдаю, когда вижу, что жизнь кого-то одного или многих вдруг резко меняется к худшему, словно этого человека преследует рок, меня это сильно печалит...

Медицина остается для меня тем, что англосаксонцы называют словом «хобби», главным моим увлечением, почти что-манией.

Мы с Тиж однажды отправились в плаванье на яхте, сделанной по моему заказу. Через некоторое время оказалось, что яхту сделали не из старого дерева, как мне обещали, и ее необходимо проконопатить. На севере Голландии в Дельфиле ее поставили на ремонт. С раннего утра начинали оглушительно ремонтировать не только нашу яхту, но и другие суда. Однако я считал унизительным перебраться в гостиницу. К тому же я испытывал непреодолимую потребность писать, какую испытывал и в 15 лет и какую испытываю и сейчас, когда мне под 80.

К вечеру рабочие уходили, воцарялась тишина, и мы могли, мирно пообедав, ночевать на яхте при условии, что на завтра вставать придется очень рано. Но к этому мы давно привыкли.

Блуждая днем вокруг порта, я набрел на заброшенный канал. Старая, всели покинутая баржа приткнулась у причала на темной набережной, вдоль которой стояли белые и красные домики.

В старой барже, наполненной прогнившей, где в трюме плавали крысы, я поставил друг на друга пустые деревянные ящики, на верхнем из них водрузил свою пишущую машинку, сам сел на ящик пониже, так, что мои ноги почти касались воды. Через два дня я начал писать роман под названием «Питер-латыш». Вот в нем-то и родился некий Мегрз, которому — о чем я тогда и не подозревал — предстояло мерещиться мне в течение стольких лет и которому суждено было изменить всю мою жизнь.

В конце концов он стал моим другом. Он существует и по сей день, но в бронзе и крупнее, чем в натуре, и стоит он именно на том самом месте, где родился 50 лет тому назад, а старая баржа, служившая ему колыбелью, уже совсем развалилась. Я обязан ему очень многим, ибо благодаря ему я перестал быть дилетантом, а стал профессиональным писателем.

Мой девиз — «понять, а не осуждать» — я вручил и моему старому другу Мегрзу, с которым у меня большое сходство.

Я без устали гнался за... За чем? За человеком, за жизнью. Я мчался по жизни, чтобы учиться, и даже если теперь я больше не мчусь, я не перестаю учиться...

Я считаю, что первостепенная роль в искусстве, касается это литературы, живописи или музыки, несомненно принадлежит ИНТУИЦИИ.

Если я когда-либо преследовал мне подобных, то это были женщины, ибо я был вечно в поисках любви, физической любви и нежности. Эти поиски самые изнурительные и самые обескураживающие, ибо в том обществе, которое мы создали, или, вернее, создали те, кто хитрее и корыстнее нас, любовь и нежность крайне редки — они встречаются неизмеримо реже, чем бриллианты. Особенно нежность, о которой все мы мечтаем и в которой мы отчаянно, до дрожи нуждаемся, а ее нет, и потому на свете все больше и больше недовольных и неуравновешенных, бездушных и несчастных...

Мне дано было однажды познать то, что называется страстью, настоящую горячку, которую иные, в том числе психологи и врачи, причисляют к болезням... Я тоже считаю, что страсть, что всякие страсти — это настоящая болезнь, род недуга, и таково мнение самых великих философов.

По-моему, то, что более всего украшает женщину, как бы ее восполняет, — это естественность.

Я настоял, чтобы Д. (Дениза, вторая жена Сименона. — Т. Л.-С.) отказалась от «макияжа», перестала краситься. Женщина, по-моему, должна быть совершенно естественной, а не манекеном или модной картинкой.

После того, как я упал и ушиб ногу, хирург заявил мне: «Не надо больше рассчитывать на длительные прогулки, мой дорогой Сименон. Теперь вам придется довольствоваться короткими». Я спросил: «С костылем? С палкой?», и он ответил: «Или под руку с Терезой» (третья жена Сименона. — Т. Л.-С.).

Мы стали прогуливаться сначала просто по аллее, ведущей к нашей улице, потом начали удлинять наши прогулки. Я привык глядеть вниз перед собой, опираясь на руку Терезы, которая никогда мне не была так близка.

Можно сказать, что крепкие узы, нас соединяющие, стали еще крепче после этого. По правде сказать, чего искал я всю свою жизнь, за чем именно гонялся, любопытствуя по поводу всех женщин, дважды женатый и дважды разведенный, без устали стремясь достичь цели, мне неизвестной, и которую я наконец достиг?

В глубине души я жаждал найти не просто женщину, а именно ту настоящую женщину, любящую страстно и нежно, но в то же время по-матерински безыскусную, без прикрас и амбиции, не погружающую в заботах о «завтрашнем дне» (то есть о наследстве), не поглощенную стремлением занять положение в обществе, — женщину без «статуса».

Я нашел ее, сам того не зная, не зная, и долгое время спустя понял, что цель моя достигнута. Вот уже много лет, как я перестал искать, не потому, что потерял вкус, не из-за физической немощи, а потому, что нашел ту, которая заменяет мне всех. Глаза ее смотрят прямо мне в глаза, ничего не пряча и не скрывая, ибо им нечего скрывать...

Наша незатейливая жизнь полна любви и нежности.

Я продолжаю диктовать Терезе для собственного удовольствия, чтобы сказать наконец в полный голос все, что слышалось под сурдинку в моих прежних книгах! И провозглашать с полной откровенностью те мысли, которые вызывают враждебность «большой буржуазии» и еще более сильную у правых и крайних правых.

Я снова обрел простые маленькие радости моей юности, Тереза их разделяет вместе со мной. Так же, как и она, я появился на свет среди тех, кого я называю «простыми людьми», и все сильнее и сильнее чувствую, что принадлежу и всегда принадлежал к ним, несмотря на поместья и дома, на «роллс-ройсы», на «высший свет», то есть ту среду, в которой я вращался, чтобы лучше ее изучить. Я принадлежу к простым людям, чей душевный покой приходит к ним «сам по себе», а не из-за внешних причин.

Пожалуй, несмотря на все житейские тревожения в моей судьбе, на горестные мои переживания, я понял наконец, что подразумевается под словом «сереинитэ» — высокая ясность души...

Я живу в тесном и доверчивом общении с природой, так же как и с Терезой, которая часть ее...

Мне хочется сказать тебе так еще много, Мари! И я не знаю, с чего начать. Это немного похоже на то, как в оркестре настраивают инструменты, или на то, как ты сама небрежно проводила пальцами по струнам своей гитары, прежде чем начать играть и петь... Мне мнится, будто ты слушаешь меня и мне отвечаешь. Хотя ведь ты хорошо знаешь, что я вовсе не мистик, не верующий...

Однако это не мешает тебе так или иначе быть здесь, со мною рядом, и я готов поклясться, что присутствие твоё реально!

Я чувю это в воздухе, которым мы дышим, в свете дня, который нам сияет, в космосе, который нас окружает, — мысленно ты повсюду навсегда с нами...